

DAUGAVPILS NOVADS
— kur saule rotājas

**ВОСКРЕСЕНЬЕ,
22 МАЯ**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ НАРОДНОГО ИСКУССТВА
AUGŠDAUGAVA 2016
Smelies iedvesmu Augšdaugavā!**

НАУЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ, ДЕРЕВНЯ СЛУТИШКИ

ПРИРОДНЫЙ ПАРК “DAUGAVAS LOKI”, ДАUGAVПИЛСКИЙ КРАЙ

- 10.00 Богослужение в Спрукстском костёле
Вспоминая общественное движение против строительства Даугавпилсской ГЭС 30 лет назад
“Laiks pagājis un laiks nākams...” /Н. Икстена/
11.30 Дань памяти на Марковском кладбище
13.00 - 15.00 Природная и культурно-познавательная тропа для школьников в Слутишках

ЛАТГАЛЬСКИЙ ДВОР

- 12.30 Открытие фестиваля
13.00 - 16.15 Дневные концерты
17.00 Большой концерт “Smelies iedvesmu Augšdaugavā!”
12.00 - 19.00 Базарчик ремесленников

СЛУТИШСКАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ УСАДЬБА

- 13.15 Открытие выставки Латгальских нарядных рушников
13.30 Концерт “Vysi muni gosti beja”
15.30 Фильм ЛТВ “Viens ciems, Visa Latvija.”
Встреча авторов фильма с жителями деревни Слутишки
12.00 - 15.30 Творческие мастерские и мастер-классы
Роспись по камню, изготовление игрушечных плотов, создание Большого лоскутного покрывала
Аугшдаугавы, плетение верши для ловли рыбы, банное искусство

ТЕРРИТОРИЯ ФЕСТИВАЛЯ

- 12.00 - 16.00 Эколого-просветительские мероприятия
Региональная администрация Управления по охране природы
Институт естественных наук и технологий Даугавпилсского университета
по 12.30 Мероприятия для детей “Iedvesmai pa rēdām”
12.00 - 15.00 Художественный пленэр “Krāsu plūdi ūdenī”
Выставки
12.00 - 19.00 Фотовыставка Игоря Плича “Daugav’ abas malas...”
Выставка Науенского краеведческого музея “Sirdsdaugava”
Выставка кувшинов керамика Яниса Вогулса
12.30 - 16.00 Спортивные мероприятия
Соревнования по гребле и пляжному волейболу
Катание на лодках, каноэ и байдарках
Соревнования по спортивным народным играм: метание бревна, метание камешков, забрасывание удочки

www.daugavpilsnovads.lv; www.augsdaugava.lv

Фотовыставка Игоря Плича “Daugav’ abas malas”

Фотограф Игорь Плич родился в 1954-м году. В настоящее время живет в Прейли. Фотоискусству учился в Рижской 34-ой городской профессионально-технической школе, в политехникуме названного именем Московского совета, а также на факультете фотомастерства во Дворце культуры и техники ВЭФ. За эти годы у фотографа было более 30

важных персональных выставок. Он является автором более 15000 различных почтовых открыток. Фотографии Игоря Плича используются во многих книгах, календарях, буклетах, картах, туристических путеводителях. Шесть лет организует конкурс для Восточнолатвийских фотолюбителей.

На международном фестивале на-

родного искусства “Augšdaugava 2016” будет доступна живописная и масштабная фотовыставка Игоря Плича “Daugav’ abas malas...”, которая представляет собой творческое посвящение Латвии, увековечив пейзажи Даугавы с помощью аэрофото. Судьбоносная река вдохновила Игоря Плича создать уникальную коллекцию фотографий

с пейзажами Даугавы от Пиедруи до Морских ворот, где река сливается с Балтийским морем. Выставка представляет собой крупное произведение искусства, которое составляют 150 метров живописных фотографий. На территории фестиваля общая длина фотографий для просмотра составит 66 метров.

Дайнис Иванс: „На берегах Даугавы мы образовались как народ”

В этом году исполняется 30 лет с тех пор, как началась борьба против строительства Даугавпилской ГЭС. В ожидании фестиваля „Augšdaugava” вспомним события и людей, без которых не сохранилась бы древняя долина Даугавы. Дайнис Иванс - один из ярких представителей Атмоды, журналист, общественный и политический деятель, первый председатель Народного фронта Латвии. В 1987-ом году за публикации об Аугшдаугаве Союзом журналистов Латвии он был признан „Журналистом года”, а по результатам общественного опроса - „Человеком года”.

Вы много раз отмечали, что о судьбе Даугавы думали уже с детства. Что Вас навело на такие размышления?

Дом моих предков находится недалеко от Даугавы. Хотя с таким же успехом можно сказать, что вся Латвия располагается у Даугавы. Даугава — центральная ось на нашей земле. Мои детские воспоминания связаны с Плявиньсом и с коллизиями, связанными со строительством в то время Плявиньской гидроэлектростанции. Я был еще очень мал, дошкольником, когда родители взяли меня с собой на экскурсию в Стабурагс. Тогда я еще этого не понимал, но эта резкость уже чувствовалась в разговорах людей. Мы как будто ехали на похороны, на похороны Стабурагса и Кокнесского каньона. Потому что это был 1960-й год, когда началось строительство Плявиньской ГЭС с последующим затоплением Кокнесского каньона. В 1965-м году перегородили Даугаву и стали поднимать уровень воды, а в 1966-м году „по просьбе трудящихся” Плявиньскую ГЭС назвали именем В.И. Ленина. Я очень смутно помню и то, как люди шли через Пересский водопад, и то, как Лиепавотс с впечатляющей высоты обрушился на Стабурагс. Я помню, как стояли на головокружительной вершине скалы, как поднимались на пароме через Ритери на Стабурагс. В памяти остались увиденные около Плявиньса Лорелейская скала и Велнатварс, с которой прыгали местные тарзаны, сопровождаемые визгами экскурсантов. Еще видел туристические баржи, которые ходили по каньону, слышал звуки, журчанье Даугавы, я чувствовал, что Даугава жива, она пенится и клокочет... Никто мне не рассказывал и не объяснял, какие природные ценности уничтожит построенная большевиками ГЭС, но я почувствовал огромную несправедливость, что теперь все это исчезнет и будет под водой. Взрослые тоже не восхищались строительством Плявиньской ГЭС, а ужасались, так как понимали, что речь идет об очередных усилиях Москвы уничтожить то, что в Латвии оставалось еще красивым, чистым и национальным. Помню мечту мальчугана - когда вырасту, изобрету торпеду, которой можно будет взорвать наложенные оковы на Даугаву. Очевидно, что в детстве понятая Даугава отложились в памяти на всю жизнь. Эта Даугава сделала меня человеком. Недаром поколения, которые никогда не видели ни Кокнесского каньона, ни Стабурагса, ни Лорелейской скалы, все чувствуют в себе саднящий шрам уничтоженного Стабурагса. На берегах Даугавы мы солидировались в народ, здесь формировались наши представления о родине. Латышские

стрелки в Первую мировую войну сражались за „Daugavzeme”. Отобрать Даугаву всегда означало „отобрать родину”. Но в мою молодость Даугава у латышей фактически уже была отобрана. Большую часть бывшего течения и берегов судьбоносной реки покрыли Плявиньским, Рижским и Кегумским „морями”, был разрушен тысячелетний путь миграции рыбы Даугавы, под водой погребены уникальные ландшафтные окрестности, культурные и археологические ценности, геологические раритеты. Только в старинных биологических очерках можно еще что-нибудь узнать о характерной для долины Даугавы скалистой флоре и фауне. Не было больше Даугавины, которая вдохновляла творчество Стефенхагенса, Пумпурса, Аусеклиса, Валдиса, Яунсудрабиньша, Штралса и многих других. Ну как можно любить каскады технократных гидроэлектростанций, которые производят немного денег, но уничтожают все остальное! Живая, настоящая Даугава на наше счастье и спасение еще урчала только выше по течению Даугавпилса и Екабпилса, но и это при советской власти собирались закопать дамбами, возводя Екабпилскую и Даугавпилскую плотины.

Весна 1987 года, Слутишский обрыв, фото А. Криевиньш

Ваш путь или, может быть, сама судьба, летом 1986 года привели Вас на берега Аугшдаугавы у Слутишек?

В восьмидесятые годы моя теща купила дом в Спруктах, что недалеко от Слутишек. И вдруг для меня живая Даугава открылась во всем великолепии. Когда я узнал, что и это живописное место, где есть влага для души и разума, где люди живут в гармонии с природой, планировалось уничтожить, меня охватило прежде всего чувство обреченности, но затем проснулось упорство. Неужели действительно этому нельзя сопротивляться? Позже, во время обсуждения проекта Даугавпилской ГЭС как латвийские, так и российские ученые неоднократно подчеркивали, что уже предыдущее строительство Плявиньской ГЭС на Даугаве должно рассматриваться как преступление против народа и природы Латвии. Одним из аргументов для строительства Плявиньской ГЭС была экономически абсолютно необоснованная индустриализация Латвии, вторым — желание Красного Кремля такой „Сталинской пирамидой” утвердить свое величие. Фактически, Плявиньская ГЭС и сегодня воспринимается

как символический памятник тоталитарному режиму, который 50 лет душил Латвию, вседозволенности, оккупации нашей страны и репрессиям. Это сооружение выразительно рассказывает о чужой власти и человеческой глупости, о насилии над природным национальным ландшафтом, жизнью земли.

Расскажите об акции по спасению Аугшдаугавы. С чего все началось? А эта борьба выразила глубокую любовь латышского народа к нашей судьбоносной реке Даугаве?

В то время мы вместе с детьми в Спруктах проводили каждое лето. Первое, что привлекло мое внимание, были кольшки на концах высокого обрыва. Они обозначали места, до которых поднимется уровень воды — выше дымовых труб деревни Слутишки. Я наслаждался атмосферой спокойной долины, был знаком с теми, кто там живет, и я видел в них обреченность, покорность судьбе. Свои дома многие из них больше не обновляли, не ухаживали за ними, а ждали время, когда начнется затопление. С ними уже договорились о переезде в советские многоквартирные дома. Работали археологи, у которых было поручение на про-

Почти все, с которыми я делился своими мыслями, советовали смириться. Независимо от того, насколько нелепым это бы ни было, остановить это не возможно. Только мой друг писатель Артурс Снискс, бывший инженер Кегумской ГЭС, так не думал и меня поддержал. Заявили общую публикацию в газете „Literatūra un Māksla”. Газета отправила нас в командировку в Даугавпилс. Отправились к представителям власти и к гидростроителям. Ознакомившись с проектом, поняли, что построенная ГЭС в лучшем случае смогла бы работать только два весенних месяца, когда есть вода, а потом все лето необходимую воду надо копить. В нижнем бьефе Даугавы стоков практически не было бы. И там смердело бы и гнило бы, как в навозной яме, потому что вода в накопительные периоды здесь пополнялась бы только из сточных вод Даугавпилса. Выяснились многие другие технические недостатки проекта, абсурд, несоответствующие правде заключения. Так как зона затопления касалась также и Белоруссии, то мы искали союзников и единомышленников и там. Мы уже знали, что обоснованная и хорошо аргументированная борьба предыдущих поколений против Плявиньской ГЭС закончилась тривиальным зачислением противников Плявиньской ГЭС в „националисты”. Даже ветеран советской армии, журналистка Вера Кацена после критики этой стройки коммунизма стала запрежденным автором. Для нас было важно, чтобы критику Даугавпилской ГЭС поддерживали бы также и представители других „братских народов СССР”. Таких не надо было искать далеко. Живущий в Полоцке белорусский писатель исторических романов Владимир Орлов также беспокоился об уничтожении части культурно-исторического ландшафта в результате строительства ГЭС. Его мнение цитировали в статье „О судьбе Даугавы думая”. Ну пусть кто-то теперь пришьет „национализм”! В свою очередь, чтобы отвести упреки коммунистов об „антисоветской деятельности” в статье сослался даже на слова генерального секретаря коммунистов Михаила Горбачева о смене режима. Казалось, все обосновано, сделано, опровергнуто, „громом отвод” проложены, остается только опубликовать. В редакции статья пролежала несколько месяцев, а во время отсутствия редактора в печать ее отправил заместитель редактора Викторс Авотиныш. Начались такие волнения людей, что компартия Латвии публикации на тему о Даугав-

ведение раскопок. В Слутишках латгальское старинное кладбище изначала археолог Татьяна Берга. Она мне рассказывала, что исследовать удастся очень мало и бесчисленные свидетельства нашей истории так или иначе погибнут в ожидаемом «греховном потоке». И я тогда думал — люди здесь жили тысячи лет, здесь была такая артерия цивилизации, и вдруг все пропадет. Драматический, варварский процесс разрушения или „перенесения” действующего кладбища. Приехали тракторы „Беларусь” с прицепами, в них сваливали кости, гробы, фрагменты гробов и перевозили их на новое коммунальное кладбище. Я два года подряд видел, как, например, на Марковском кладбище проходит День поминовения усопших, как люди из Латгалии на лошадаках съезжались сюда к предкам, к их „домовинам”. Разве кто-то, кто там был похоронен, мог представить, что „домовины” кто-то вздумает так скоро разрушить? И тогда я подумал, можно ли вообще это святотатство прекратить. В Москве уже был утвержден проект, в Даугавпилсе строительный котлован был вырыт, поселок строителей почти построен, 20 миллионов рублей израсходовано.

Пресс-конференция в Академии наук экспертной комиссии по оценке проекта Даугавпилсской ГЭС, июнь 1987 года, фото из личного архива

пилсской ГЭС запретила. Цензоры следили, чтобы публично не упоминалась не только Даугавпилсская ГЭС, но и сама Даугава. В редакцию „Literatūra un Māksla” хлынули потоки писем о будущем сохранении Аугшдаугавы. Излучины Даугавы стали популярны, как никогда прежде. Многие протестующие свои подписи слали также в самый главный центр власти Латвийской ССР – в Центральный комитет компартии. Лидеры коммунистов уже не знали, что делать. Обычная тактика запретов оказалась неэффективной. Нас с Артуром в период запрета публикации люди приглашали на различные собрания, на вечера вопросов и ответов в рабочие коллективы, в творческие союзы, в учебные заведения. На концертах, которые проходили в прямом эфире и которые не контролировала цензура, певцы часто использовали возможность неожиданно спеть какую-нибудь песню о Даугаве. Как, например, Айя Кукуле во время трансляции песенного опроса „Mikrofonu 86”. Также Латвийский Государственный исторический музей устроил специальную выставку фотографий об утраченной Даугаве, о местах, которые уничтожила Плявиньская ГЭС. Выставку открыли в пятницу. В субботу и воскресенье он был забит посетителями. В понедельник Центральный комитет компартии приказал ее закрыть, что пошло только во вред авторитету самих коммунистов. Народ почувствовал свою силу, и больше уже было непросто его запугать. Пробуждение Латвии после успеха спасения Аугшдаугавы стало неотвратимо. Во время запрета публикации о Даугаве мы искали помощи у российских журналистов. Редактор журнала „Новый мир” Сергей Залыгин в то же время готовил большую публикацию под названием „Поворот” против другого проекта Кремля – поворота северных рек в Среднюю Азию, о том, что скорее всего „надо повернуть” совсем в другое направление всю советскую систему. После короткого разговора с нами он тут же в типографии журнала включил в свою статью абзац о судьбе Аугшдаугавы, об осуждении проекта Даугавпилсской ГЭС. В обход запрета компартии Латвии нам удалось опубликовать статью „О судьбе Даугавы думая” также в московской „Литературной газете”. В борьбу за Аугшдаугаву включились ученые под руководством академика Риты Кукайне. Наконец, распоряжением тогдашнего председателя комитета Латвийского госплана Миервалдиса Раманса была создана Латвийская

комиссия ученых для экспертизы Даугавпилсской ГЭС. Комиссия пришла к заключению, что строительство электростанции экономически не оправдывается и является экологически опасным как для Латвии, так и Белоруссии. Затем АН СССР на выездной сессии Совета по биосфере 6 и 7 июля 1987 года в Риге ЛССР М. Раманс публично объявил, что Республика отказывается от строительства Даугавпилсской ГЭС. Гидролог Петерис Цимдиньш тогда, кстати, рассчитал, что запасы ресурсов ценной рыбы после строительства Плявиньской ГЭС в Даугаве уменьшились в 2000 (!) раз. Ведь раньше Даугава была одной из крупнейших и продуктивнейших рек лососевого естественного нереста во всем бассейне Балтийского моря. Огромный поток Даугавы с широкими порогами и в них свободно прыгающем лососем соответствовали названию судьбоносной реки. Строительство каскада ГЭС, загрязнение воды и окружающей среды, деградация среды обитания и антропогенные изменения в экосистемах ликвидировали естественную популяцию лосося в Даугаве. Уничтожен не только лосось, но также места нерестилища рыба (вимбы) в Даугаве. В общей сложности у кампании по спасению Аугшдаугавы было огромное общественно-политическое значение. За все годы оккупации это было первое смелое выступление народа, которое закончилось победой. Пробуждение переросло в наше национальное пробуждение, природоохранное движение переросло в движение политического сопротивления. Даугава снова была поднята на уровень мощного символа. Народ понял, что Аугшдаугава у нас еще есть, что, благодаря Аугшдаугаве, жива и сама Daugavpils Mamulīna. И еще: если мы сумели отстоять от притязаний

враждебной власти один уголок своей родной земли, то тогда мы можем вернуть свою страну Латвию. Теперь, приезжая на Аугшдаугаву, я не могу не думать о том, что именно здесь колыбель нашего Третьего пробуждения и возрождения.

Вы можете рассказать о тех людях, жителях нашего края, которые вместе с Вами выступали за сохранение Аугшдаугавы и против строительства Даугавпилсской ГЭС? Какими они были, какие были их ценности?

Конечно, без поддержки Даугавпилского края и краславчан мы бы не сделали то, что сделали. Нам было важно понять, а для тех, кто здесь живет, – это место очень важно. Впервые, меня впечатлили жители деревни Слутишки, многие из которых опустили руки, но многие нет. Например, свой дом Соломея Урбане отремонтировала в то время, когда другие уже думали о переезде. И я ей задал вопрос: „Зачем вы это делаете, ваш дом вскоре затопят?”, на что она ответила: „Все равно, если умирать, то только в лучшей одежде”. Она мне очень напомнила старушку из романа „Прощание с Матерой” русского писателя Валентина Распутина. Там очень схожий сюжет. В России строят Рыбинскую ГЭС и затопляют церкви, деревни, города. И одна старушка до затопления продолжает заботиться о своем доме. Разница лишь в том, что Рыбинскую ГЭС построили, а Даугавпилсскую ГЭС мы все вместе остановили. В Краславе у нас был очень значительный единомышленник руководитель Краславского музея истории и культуры Волдемаре Гекишс и главный архитектор города Илмарс Лейганс. В Даугавпилсе и крае – прежде всего проректор Даугавпилсского педагогического университета Бруно Янсонс, в том числе и тогдашний студент, а сегодня ректор Даугавпилсского университета Арвидс Баршевискис. В фильме „Sirdsdaugava”, что летом 1987 года в деревне Слутишки снял режиссер Родриго Рикардс, Арвидс рассказывал о природных ценностях излучин Даугавы и то, сколько неузнанного, жизненно важного для человечества мы можем потерять, затопив долину. Тогда узнали также патриотов излучин Даугавы, впоследствии – председателя Науенского волостного совета Василису Пудовкину.

Когда Вы в последний раз были в природном парке „Daugavas loki”? Что изменилось? Есть ли у вас какая-то идея о развитии этого места в будущем?

Летом прошлого года вместе со съемочной группой немецкого телевидения, а еще год назад на длительное время – тогда по сценарию

писательницы Норы Икстены снимался фильм „Ivāns” режиссера Андрея Верхоустинского. Мы снова исходили Слутишки вдоль и поперек. Я показал приехавшим со мной все прекрасные пейзажные тропы, прокатились на лодках от Краславы до Слутишек. Потом поднялись на Марковскую гору, с которой деревня Слутишки видна, как на ладони. Это место уникальное, даже можно сказать – Латвийская иконическая ценность. Я действительно рад, что там все постепенно оживает. Также Науенский краеведческий музей. Радуюсь, что ничего не разрушено, а приводится в порядок, и это самое важное. Хорошо, что в порядке поддерживаются тропы, создана велосипедная дорожка. И, конечно, есть перспектива для развития туризма, но нужно знать, где та граница, чтобы слишком большой поток туристов не деградировал бы Даугаву и ландшафт в целом. Там существующие природные ценности еще до конца не исследованы. Встречаясь с Арвидсом Баршевиском, слышу, что Даугавпилские исследователи там до сих пор находят что-то новое. И поэтому важно сохранить эту долину Даугавы.

На Ваш взгляд, природный парк „Daugavas loki” соответствует статусу Национального парка?

Да. Я уже в первых публикациях писал, что это место достойно того, чтобы оно было признано в национальном масштабе. Свое мнение я не изменил. Я немного участвовал в процессе включения долины Аугшдаугавы в Латвийский список национального наследия ЮНЕСКО. Этот статус никак не ограничит престиж и ценность их земли. У нас уже есть один пример – Национальный парк Гауя, где развиваются такие города, как Валмиера и Вентспилс – одни из самых благоустроенных в Латвии. Статус национального парка уже не ограничивает хозяйственную деятельность человека. Фермеры могут заниматься сельским хозяйством и выполнять свои повседневные работы, если только они сохраняют местность, как единый культурно-исторический комплекс. Производители могут выпускать – только с одним ограничением – не загрязнять и не разрушать окружающую среду. А для края этот статус был бы очень выгодным. Это была бы особая поддержка людей, которые развивают туризм, это была бы особая честь самоуправления.

В своих статьях Вы упоминаете вместо Марковское кладбище топоним Марфинское кладбище. Откуда эта информация, может от местных старообрядцев?

Когда моя теща там поселилась, мы дружили с одной семьей старообрядцев, которая живет там и поныне. Их старообрядческий род происходил из Слутишек. И там жила такая Вера Спиридонова, которая говорила „Марфинское кладбище”, моя теща тоже так говорила. Скорее всего это от нее у меня такой топоним. Позже даже хотел большую публикацию об этом написать, потому что было услышано от местных жителей очень много историй об особой лексике обитателей излучин Даугавы, об интересном букете латгальских и старообрядческих традиций, об особом образе жизни.

С Дайнисом Ивансом беседовала

Ольга Смане

Осень 2015 года, вид с городища Ласиню на стройку Даугавпилсской ГЭС, фото Д. Бекере

Отрывок из статьи А. Ранцане “Двенадцать латгальских излучин вместе с Анной Ранцане”

Из Даугавпилса поворачиваем направо, чтобы дальше, на протяжении всего пути, Даугава была по правую руку. Чтобы она была с нами – сверкающая, сияющая в своих девяти больших излучинах, совершенно другая, чем у Плявиняс, у Кокнесе, иная, чем этот огромный, тихий плёс, в глубине которого покоится Стабурагс. Неиспорченная гидроэлектростанцией Даугава, настоящая, живая Даугава течет только здесь, в Латгалии. И, словно в сказке, целых девять так называемых меандр, которые судьбоносная река, до этого спокойная и тихая, растянула почти на 25 км между Даугавпилсом и Краславой. Излучины Даугавы можно перечислить как считалочку: Элернес, Бутишкю, Розалишкю, Верверу, Даугавсаргу, Рудняс, Звейниеку, Шкершкану (Адамовас) и Приедайнес. А у некоторых излучин несколько названий. Берега некоторых излучин представляют собой обрывы – Верверский обрыв, Слутишский обрыв, Адамовский обрыв, с них открываются великолепные виды. Публицист Дайнис Иванс назвал Аугшдаугаву „золотым ландшафтным амбаром”, бурлящим источником культурного вдохновения, живой исторической и этнографической энциклопедией. „Аугшдаугава переливается естественными красками, удивляет неизменным человеком рельефом и волшебными запахами. Здесь течение, мурлыча на валунных порогах, игриво гладит стопы высоких обрывов, чтобы сейчас же вывернуться наоборот – целовать на отлогах противоположного берега луга, леса, кустарник. Это природный парк „Daugavas loki”, подобного которому в Латвии нет.

Проезжаем мимо поселка Крауя с уже привычными для урбанизированного пейзажа многоквартирными домами из силикатного кирпича. Следующий поселок, Науене, Науйиене, Науйиена. Здесь, в 19 км от теперешнего Даугавпилса, находился его предшественник, Динабургский

замок. Название Науене происходит из литовского языка, так как в этой части в былые времена проживало много литовцев, о чем свидетельствуют многочисленные названия мест, заканчивающиеся на –ишки. Науенский краеведческий музей расположен в здании бывшей школы с отвесной деревянной лестницей и с небольшими комнатками, его главная ценность – это экспозиция произведений искусства скульптора и художницы Валентины Зейле, родившейся здесь же, в поселке Вилюшу, а ныне живущей в Париже. Надо отметить, что это единственное место в Латвии, где размещаются все оригинальные работы знаменитой художницы. Зал Валентины Зейле обустроен при поддержке и участии самой художницы, уже с 1996 года она стала дарить музею свои работы, так что невольно думается о великом даре любви и благодарности к родной стороне.

Выйдя из Науенского музея, сворачиваем с большой дороги направо, к Юзефовской, или Езуповской, католической церкви. Неподалеку от церкви раскинулся парк бывшей Юзефовской усадьбы, которая принадлежала Язепсу Шадурскису, до Первой мировой войны – польскому роду Шахно. Начальное название парка было „Hofzumberg”, которое в переводе с немецкого языка означает – дом на горе. Из Езуповского парка вытекает источник, обладающий лечебными свойствами.

Уникальная Аугшдаугава
Природный парк „Daugavas loki” („Излучины Даугавы”) располагается в долине Даугавы, среди живописных охраняемых государством ландшафтов Аугшдаугавы. Его площадь 129,9 км². Парк был основан в 1990-м году, чтобы сохранить уникальный и своеобразный ландшафт среднего течения древней долины Даугавы, ее ценные природные комплексы, биологическое многообразие растений и животных, а также культурно-исторические памятники. С 25 февраля

2011-го года Аугшдаугава как особо охраняемая природная территория Европейского значения была включена в Латвийский национальный список всемирного наследия ЮНЕСКО. То, что это место является уникальным, больше знают исследователи природы, специалисты по окружающей среде, а также туристы, местные жители к этому привыкли и изменение статуса нередко воспринимают с тревогой.

Деревня как реликт
Если излучины Даугавы сравнить с ожерельем, то самым ярким драгоценным камнем в нем несомненно является деревня Слутишки, или, как выражаются в Латгалии, *sādža* (деревня). Это деревня – музей, деревня – реликт, место, где лучше всего можно прочувствовать ритм жизни и будни жителей древней долины Даугавы. Деревня Слутишки впервые привлекла внимание общественности в конце 80-ых годов прошлого века, когда сюда приехали археологи и художники, чтобы еще до затопления территории увидеть этот живой уголок истории... И сейчас Слутишки – это место природного паломничества, куда едут толпами туристы, но даже и они не могут нарушить покой Слутишек.

Автотранспорт можно разместить на платной стоянке, расположенной рядом с замшелой каменной оградой. Там, дальше, когда-то было кладбище, о котором теперь свидетельствуют только три белых креста, снова белые кресты как знак времени, как памятник тем ужасным дням в 1986 году, когда люди спешили выкопать останки своих близких на этом кладбище, чтобы они не остались под плесом. Впервые название Слутишки упоминается в статье 1785 года, когда сюда переехала колония старообрядцев, но, как показали археологические раскопки, в самом центре деревни когда-то находилось средневековое (14 в.) поселение и кладбище. Об этом сейчас

свидетельствует каменный знак на обочине дороги. Сама деревня представляет интерес своей своеобразной деревянной архитектурой и компоновкой зданий, которые остались такими же, как и раньше, – с одной дорогой (по-латгальски – *ūņeica*) по середине и с домами вокруг. В этом сказочно красивом месте в 17-ом веке свирепствовала чума и гремели войны (недаром в одной старинной латгальской молитве, которую до сих пор поют в церкви, есть слова: „Nu miera (mēra), boda, kara i guņsgrāka, pasorgoj myus, Kungs un Dīvs!). Люди вымерли, но место пусто не осталось, здесь поселились староверы, спасаясь бегством от преследований у себя на родине. Хотя и жили они обычно в закрытом сообществе, очевидно, здесь сохранилась одна из ветвей местного латгальского католического рода и в деревне Слутишки, как георгины в одном саду, продолжали жить два этноса, две веры, два языка.

На Даугавские излучины надо отправляться в конце последней недели мая, когда здесь проходит фестиваль *Augšdaugava* уже более пятнадцати лет подряд. В разгар праздника в Слутишки по Даугаве из Верхнедвинска прибывают плотогоны, которых встречают сыром и пивом, в фестивале участвуют певцы и танцоры, ремесленники демонстрируют свое мастерство. А еще лучше приехать сюда в обычное летнее воскресенье, чтобы насладиться тишиной и покоем, вглядываясь в нескончаемый поток Даугавы.

Пять вещей, которые непременно надо увидеть

1. Скульптуры и картины Валентины Зейле.
2. Езуповская католическая церковь.
3. Макет Динабургского замка.
4. Деревня Слутишки.
5. Марковское кладбище.

«Paklausīt Slutišķiem»

Слутишки – магическое укрытие излучин Даугавы, которое два века назад преследуемые и заживо сжигаемые у себя на родине, на великой Руси, староверы избрали своим тихим домом и местом для отправления веры. В народе сохранился рассказ о том, что название Слутишки произошло от слова в русском языке

„слушаться”. Послушными и почти-тельными своему Богу и земле были сельские жители. Одно из самых красивых мест нашли среди Даугавы, Двины и горы, которая зимой – покрыта инеем, осенью – золотом, весной – темно-синяя, а летом – запах душицы забывается.

Теперь здесь все в одном месте. Вре-

мя прошло и время пришло. Зимой Слутишки замирают только для одной семьи, которая живет здесь круглый год. Летом они оживают, когда приезжают жители остальных домов, которые можно сосчитать на пальцах. И гости, которые едут посмотреть Слутишский старообрядческий дом.

Бог любит этот уголок земли. Прячется в подсолнухах, смотрит на гору, с которой можно увидеть закрученную излучину реки в утреннем тумане и солнце, которое пробивается, открывая голубое небо над Слутишками.

Стоишь у трех белых крестов Слутишского кладбища, которые видны через Даугаву, и перед глазами оживает история. Тревожные восьмидесятые прошлого столетия. В воздухе уже запах свободы. Но оккупационные власти стремились изуродовать латвийское великолепие - излучины Даугавы - строительством Даугавпилсской ГЭС. Деревню Слутишки планировалось затопить. На кладбище работал экскаватор, который вместе с землей сгружал умерших в кучу, чтобы закопать где-то дальше в общей могиле. Сельские жители сами

спешно выкапывали своих близких, чтобы перезахоронить их ближе к Пантелишскому молитвенному дому.

Но у власти, которая разрушила человеческие жизни и отвергла Бога, ничего не получилось. Сооружение электростанции народным пробуждением останавливают. Символично, что путь свободы Латвии начинается здесь. И деревня, которая приняла преследуемых за веру, не ушла под воду, а воскресает.

Время приходящее для Слутишского лета станет проверкой. Восстановленный старообрядческий дом привлечет туристов из ближних и дальних мест. Дай Бог им в эту тишину и красоту войти почтительно, услышать рассказы о молитвенной лестовке, о поганой (языческой) кружке, из которой незнакомец может попить воды, о красном угле с иконами. И не привнести в Слутишки мировую суматоху, а спокойно посидеть на горе, посмотреть на реку и задуматься над смыслом жизни. Слушаться Слутишки.

Нора Икстена